

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

6
(899)

ISSN 0132 2141

МАРК ВАЙСБОРД

Тридцать пять лет тому назад я пришел впервые в «Крокодил» как темист.

Теперь я темист-ветеран.

Позже начал рисовать карикатуры.

Считаюсь художником среднего поколения.

Совсем недавно на страницах журнала появились мои литературные заметки.

Хожу в молодых авторах.

Так что все еще вперед...

АВТОШАРЖ

Библиотека Крокодила № 6

МАРК ВАЙСБОРД

ОСТРОСЛОВЫ

[Из крокодильских мемуаров]

Рисунки автора

Шаржи из архива КРОКОДИЛА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1982

Пир остроумия

Именно так когда-то назвал тематические совещания в «Крокодиле» Лебедев-Кумач, бывший одно время ответственным секретарем журнала.

В самом деле, если кому-то из читателей захочется посетить темное совещание, проходящее обычно в Продолговатом зале редакции, его непременно поразят раскаты смеха, реплики, шутки, остроумная перепапка. Наверно, такого не бывает ни в одном журнале, даже ни на одном эстрадном представлении.

Причем обычно смеются не над остроумно решенными темами, а наоборот... над незадачливым автором рисунка или темы. Все небольшое пространство зала как бы пронизало короткими молниями острого слова.

Но после грозы обычно ничего не остается вещественного, кроме лишь озона, да и тот быстро улетучивается. Расходятся темисты, художники, литераторы, и их охватывает обычная мирская суета, не всегда, к сожалению, связанная с весельем. Шутки, репризы уходят в небытие.

Уходили бы, если бы не скромный, молчаливый человек, сидящий в самой гуще людей (я подозреваю, что он выбрал именно это место, чтобы лучше слышать).

Это всевидящий, всеслышающий и записывающий все достойное внимания Истории Марк Вайсборд, или проще — Крокодилский Нестор.

Когда все расходятся, Марк Вайсборд достает потрепанную книжечку и незаметно виосит туда несколько лишь ему понятных иероглифов.

Из этих иероглифов и родилась лежащая перед вами уникальная книжка.

Надо сказать, что сам Крокодилский Нестор — великолепный каламбурист, репризист, перефразист, афорист и пр. и пр.

Но это уже другая история. Может, когда-нибудь кто-нибудь напишет другую, еще более любопытную книжку «Жизнь и производственная деятельность Марка Вайсборда, художника, темиста, летописца «Крокодила».

А сейчас читайте «Острословов» и убедитесь, что крокодилы шутят не только на страницах журнала, а и, так сказать, в житейской повседневности.

Е. ДУБРОВИН,
главный редактор журнала
«Крокодил»

РЕМБРАНДТ, РУБЕНС И БРОДАТЫ

Л. Бродаты

Где-то после войны в Донбасс была послана выставка московских художников-карикуристов. Возглавила ее молодой и симпатичный искусствовед Ксана. Через некоторое время в «Крокодил» пришло от нее письмо, где она слезно просила прощения у Льва Григорьевича Бродаты: с выставки пропала одна его работа. Письмо это показали маститому художнику, и реакция его была самая неожиданная (хотя от Бродаты всегда можно было ожидать неожиданной реакции).

Лев Григорьевич радовался, как младенец, он был буквально на седьмом небе.

— Ну вот! Я же говорил, что Бродаты — это художник! И Бродаты чего-то стоит! Рембрандта крали, Рубенса крали, теперь за Бродаты взялись!

Но спустя несколько дней от Ксаны пришло новое письмо, где она с радостью сообщала, что утащили только раму со стеклом (Донбасс восстанавливался после военной разрухи, и стекла там были в цене). А рисунок цел и невредим. Это сообщение огорчило Бродаты, он не на шутку расстроился. Долго молчал. Вышагивал из угла в угол, видимо, не находя слов. Затем остановился и, махнув рукой, сказал:

— Да, далеко нам еще до великих!..

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

Случилось это на всесоюзном совещании сатириков и юмористов. На одном из семинаров обсуждались крокодильские рисунки.

Было много замечаний, и деловых и наивных, далеко не все оказались знатоками карикатуры.

Один из выступавших обвинил Льва Григорьевича Бродаты в плохом знании зарубежной военной техники и показал на танк в одном его рисунке:

— Таких танков теперь нигде в мире нет.

— Со всеми претензиями по этому вопросу обратитесь к Борису Ефимову, — сказал Бродаты.

— Но при чем же тут Ефимов? Рисунок же ваш!

— Да, мой! Но технику я всегда рисую по-ефимовски, и не моя вина, что он выпускает в свет устаревшие модели. В данном случае танк...

ВЕЛИКИЙ АККУРАТИСТ

Художники-крокодилы обычно работают на дому. И редко кому удается наблюдать за их кухней (я имею в виду, конечно, творческую кухню). Но одному счастливчику удалось застать за работой Льва Григорьевича Бродаты. Вот что он рассказал.

Лев Григорьевич что-то рисовал и все приговаривал:

— Вы знаете, я в работе большой аккуратист! Терпеть не могу грязи! Ничего лишнего, ничего, что мешает, что не относится к работе! Я могу рисовать в смокинге, в кремовом костюме, в белых брюках! И не боюсь, что поставлю пятно на пиджаке, капну на брюки или вымажу галстук. Да, я аккуратист!

И знаете, чем это кончилось? Великий аккуратист, окончив рисовать, сел... на палитру!

ВОТ КАК НАДО!

Лев Григорьевич Бродаты любил всех учить.

Если вам надо было заклеить что-то на рисунке, Бродаты был тут как тут. Если надо чисто, без подтеков перекрыть большую плоскость на рисунке, он давал единственно правильный совет. Написать шрифт — в этом он был просто бог. Вычертить рамку — лучше его это никто не сделает.

Причем учил он и давал советы, касающиеся не только рисования, но и житейских премудростей (тут он был взрослый ребенок).

Однажды, когда он неловко поскользнулся и упал, то и тут остался верен себе.

Поднимаясь с чьей-то любезной помощью, он произнес:

— Вот как надо падать! А то некоторые...

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА

Л. Соболев

Это началось с легкой руки писателя Леонида Сергеевича Соболева в бытность его членом редколлегии «Крокодила».

Когда редколлегия обсуждала новые рисунки, замечания Леонида Сергеевича обычно сводились к одному:

— Все бы ничего, но лицо надо исправить!

— Почему?

— Похоже на Веру Инбер...

Или:

— Я не возражаю, но очки надо убрать, а то бюрократ (или хапуга, грубиян и т. п.) похож на Бабея...

Или:

— Лицо надо изменить, этот тип напоминает мне Алексея Толстого...

После этого все начали угадывать кого-нибудь в персонажах показываемых рисунков.

Семен Нариньяни всегда находил сходство с любимыми футболистами (этот — двойник Якушина, этот — Боброва, а вот «вылитый» Хомич).

Виктору Коновалову чудились черты известных художников («типичный» Герасимов или «как две капли воды» Дейнека). А Давид Заславский обнаруживал в каждом персонаже что-то от представителей мирового империализма: то уши Даллеса, то нос Аденауэра.

Попытки Кукрыниксов остановить эту игру воображения не всегда приводили к успеху.

Так продолжалось довольно долгое время, пока в игру не включился Иван Афанасьевич Рябов. Обычно молчаливый и застенчивый, он вдруг однажды прямо-таки ультимативным тоном заявил:

— Лицо, мне кажется, надо перерисовать. Обязательно! Оно мне напоминает...

— Кого? Кого напоминает? — нервно вскинулся художник.

— Леонида Соболева!

...На очередном заседании редколлегии Леонид Сергеевич Соболев, как обычно, начал было свое: «А лицо-то надо исправить...», но, взглянув на Ивана Рябова, улыбнулся и умолк.

ДРАМА С СОБАЧКОЙ

В. Карбовская

Среди крокодильцев нынешнего состава много женщин, но раньше «крокодилы» были редкостью.

Вспоминается Варвара Андреевна Карбовская, автор множества юмористических рассказов, фельетонов, сценок и даже одной темы для рисунка, родившейся прямо на темном совещании и нарисованной самим Леонидом Сойфертисом:

«— Зачем вы брали с собой ребенка на лекцию? Ведь он вам мешал.

— Нет, что вы! Ребенок тоже уснул...»

Варвара Андреевна жила интересами редакции, всегда была готова выполнить любое задание: часто ездила в командировки, и одна и с художниками журнала. Так было...

Но вот у писательницы появилась собачонка Степка, сразу же став причиной многочисленных острот коллег по перу (тут было и «собачья жизнь», и «как кошка с собакой», и, конечно же, «дама с собачкой»).

Но остроты остротами, а жизнь для Варвары Андреевны несколько усложнилась. «Друг человека» требовал постоянного внимания, в результате резко снизилось число командировок, которые вскоре совсем прекратились.

Сергей Александрович Швецов, редактор «Крокодила» тех лет, как-то предложил ей короткую и близкую командировку, на что Варвара Андреевна возрадила:

— Ах, что вы! Это никак невозможно! Я ведь теперь на привязи...

Стало меньше фельетонов В. Карбовской, зато возросло количество рассказов. Этому «друг человека» Степка помешать не смог.

ВОКРУГ ЕЛКИ

Г. Рыклин

Специальные номера «Крокодила» обычно пользовались успехом у читателей.

Их с удовольствием делали и сотрудники журнала.

Но запомнились, конечно, не все. Запомнились особо оригинальные, сделанные с выдумкой.

Удачными были номера, посвященные Н. Гоголю, А. Пушкину, М. Салтыкову-Щедрину, В. Маяковскому, «классический», специальный ко Дню Победы, фестивальныи, а также многие первомайские, новогодние (особенно журнал-календарь). Кстати, о новогодних номерах.

Над ними всегда работают с увлечением, ибо сама тема дает простор для фантазии литераторам и художникам.

Они как бы заранее переживают все перипетии наступающего праздника и делают все возможное, чтобы это же почувствовал читатель, получив журнал к новогоднему столу.

Однажды был задуман номер, в котором обыгрывались только елки: в рассказах, стихах, рисунках и других жанрах. Более того, решили вовлечь в это все страны и континенты.

Но кто-то вдруг усомнился (сомневающиеся всегда находятся!), а как быть с субтропиками! Есть елки в субтропиках?

— Есть! Конечно, есть! — успокоил всех Григорий Ефимович Рыклин. — Только там они называются пальмами!

НЕОЖИДАННЫЙ ЗВОНОК

Б. Пророков

Была пора летних отпусков. И ряды сотрудников редакции, естественно, значительно поредели: кто подался на южное побережье, а кто предпочел Подмоскovie. Последние жили, так сказать, на два дома.

Наступило относительное затишье и в коридорах редакции.

Но на темных совещаниях страсти, как всегда, бушевали, работа кипела, шум стоял невообразимый (впрочем, вполне вообразимый, если учесть, что происходило это в «Крокодиле»!).

И вот среди этого шума раздался голос секретарши, вошедшей как-то незаметно:

— Григорий Ефимович, вас спрашивают.

— Где?

— По телефону!

— Откуда?

— Говорят, из дома!

— Из какого?

— Из Белого, — прервал этот диалог Борис Иванович Пророков, намекая на то, что Г. Е. Рыклин был в это время шефом иностранного отдела «Крокодила».

ВОТ ЭТО РАЗМАХ!

Д. Заславский

КУКРЫНИКСЫ - 50

Шла очередная летучка — обсуждение последних номеров журнала, как обычно, критиковали задиристо, но весело.

Если бы только читатель знал, как умеют у нас разделять «под орех» его любимый журнал!

И то плохо и это не хорошо, а вот тут не остроумно, а тут просто глупо...

Договорились до того, что однажды кто-то в пылу полемики воскликнул:

— Да это не журнал, а какая-то стенгазета!

— Не какая-то, а всесоюзная! — спокойно и уверенно парировал Д. Заславский.

И добавил:

— Думаю, что нам всем будет почетно считать себя ее авторами. Я лично этим только горжусь...

К. Елисеев

Удивительный народ крокодильские художники! Ничем их не проймешь. Подтрунивают друг над другом и так кольнут и смяк. А все же всегда остаются в рамках допустимого, остаются друзьями — соратниками по борьбе. Особенно это заметно, когда собираются все вместе, а бывает это чаще всего на редколлегиях по рисунку. Каждый показывает «товар лицом», и, что приятно, так это всеобщая заинтересованность в главном: чтобы был в журнале хороший рисунок.

Сегодня ты заслужил аплодисменты? Ничего, завтра я буду на коне.

На одну из редколлегий Аминадав Моисеевич Каневский, один из плеяды выдающихся крокодилцев, принес рисунок да так оформил его, что все ахнули: к этому в журнале не привыкли, так как обычно рисунок подается на листе малого или большого формата. И все. А тут гигантский лист, на паспарту из плотного картона да еще какого-то замысловатого цвета — чудо да и только. И это не осталось без внимания.

Константин Степанович Елисеев, человек острый на язык, да еще только что пострадавший (его рисунок не был принят, предложили сделать поправки!), не удержался:

— Ну что ж! В следующий раз я буду умнее! Принесу рисунок в золоченой раме, с инкрустацией! Попробуйте тогда не взять!

КРОКОДИЛ И ПТИЧКА

В. Драгунский

Виктор Драгунский пришел в «Крокодил», будучи уже известным эстрадным автором и исполнителем, руководителем великолепного ансамбля (или, как он его сам называл, театра пародии) «Синяя птичка».

Ансамбль был очень популярен. Стоило только появиться афише с изображением «Синей птички», как сразу же выстраивались очереди за билетами и полузабытая теперь фраза «Нет ли лишнего билетика?» сопровождала все его выступления.

Авторами были известные сатирики-крокодилы (и не только крокодилы) В. Ардов, Вл. Поляков, Л. Давидович, Эмиль Кроткий и др. Композитор О. Фельцман. Художники-крокодилы Г. Вальк, Ю. Федоров, В. Соловьев.

А какое созвездие (тогда еще молодых!) актеров: Л. Сухаревская, Б. Тенин, В. Санаев, В. Орлова, О. Понсова, Р. Быков, всех не перечислить. Сам же Виктор Юзефович делал для этого театра все: писал скетчи, песни, репризы, режиссировал, искал сценические площадки, «выбивал» средства (финансовые) и т. д. и т. п.

И так продолжалось десять лет!

Но писательский труд все более и более требовал отдачи. Ансамбль отходил на второй план... В это время В. Драгунский много работал для «Крокодила», писал фельетоны, рассказы, часто бывал в редакции. Журнал явно перетягивал его на свою сторону.

— Виктор, а как же «Синяя птичка»?

— С этим делом все! «Крокодил» проглотил «птичку»...

Л. Генч

Когда художник Леон Георгиевич Генч, добрейший и милейший человек, собрался в отпуск, его кто-то серьезно предупредил, что редактор (а редактором «Крокодила» был тогда Г. Е. Рыклин) любит получать весточки от тех, кто долго отсутствует в редакции.

Это была, конечно, шутка, рассчитанная на наивного и доверчивого Генча. И он на нее клюнул. Через два дня после отъезда художника Г. Е. Рыклин получил открытку с описанием всех дорожных происшествий. Еще через день — открытку, что, мол, устроился хорошо.

Открытки с видом на море и подробным описанием каждодневного отдыха следовали одна за другой.

И вдруг перерыв.

Генчу срочно телеграфируют: «Редактор обеспокоен молчанием».

И снова открытка за открыткой. Г. Е. Рыклин был взбешен и буквально вздрагивал при получении очередной почты. Но Генч вошел во вкус и не унимался, все подробнее и подробнее описывал свою довольно-таки скучную жизнь на юге.

И вдруг снова молчание. Ни строчки.

Теперь уже забеспокоился Рыклин, который привык к своему «собственному корреспонденту». Не случилось ли чего с Генчем?

Но все обошлось... Леон Георгиевич, загорелый и довольный, с мягкой улыбкой на добром лице, предстал перед редактором.

Отпуск закончился...

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

С. Швецов

Если художник Л. Генч «бомбардировал» открытками с юга главного редактора «Крокодила» Г. Рыклина, то несколькими годами позже тогдашний главный редактор Сергей Александрович Швецов, будучи в отпуске, «бомбардировал» посланиями коллектив журнала.

Сергей Александрович, добрый и милый человек, любил подтрунивать (а кто в «Крокодиле» этого не любит?) над коллегами по работе: писал на них эпиграммы, сочинял каламбуры, обыгрывая имена, фамилии, наделял различными шуточными прозвищами.

Так было в редакции.

И на отдыхе не порывал с коллективом связь, на этот раз почтовую, присылал множество веселых посланий и пожеланий то одному, то другому из сотрудников.

Вот открытка, которую он прислал на темное совещание:

«Я забрался на Эльбрус,
А Эльбрус не дует в ус,
И не выдоили б все мы
Из него хорошей темы!»

В этот день на совещании «выдоили» немало хороших тем, так сказать, в честь отсутствующего руководителя. Но С. Швецов оказался прав: Эльбрус в темах не фигурировал.

ПРОТИВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ

В. Горяев

Международные связи «Крокодила» из года в год расширяются... В редакции часто гостят сатирики и юмористы со всех концов света (художники, писатели, издатели).

В начале пятидесятих годов редакцию посетила группа американских журналистов, среди которых был один художник-карикатурист. Сопроводять его поручили Виталию Николаевичу Горяеву.

Он познакомил американца с нашими художниками, с работой отдела оформления. Особое внимание гостя привлекли настенные рисунки художников Кукрыниксов, Бродаты, Ротова и др. Затем американец обратил внимание на предмет, висевший на стене.

— А что это такое?

— Огнетушитель! — сказал Виталий Горяев. — Мы его держим специально для борьбы с поджигателями войны...

А. Баженов

На темных совещаниях в «Крокодиле» Александр Владимирович Баженов был фигурой заметной. И не потому, что он был разговорчив, шумлив (это-то было делом обычным), а пожалуй, наоборот: на совещании, глубоко усевшись в кресло, он, не выпуская изо рта сигареты, весь обсыпанный пеплом, дремал. Но дремал как-то особенно, чутко, не пропуская ничего, что происходило на совещании. Так было и на этот раз.

Редактор предложил сделать рисунок на тему о том, что во франкистской Испании (а это было где-то в пятидесятых годах) многие тюрьмы временно закрыли — поставили на ремонт.

Только мы начали думать, как раздался категоричный голос Александра Владимировича (он всегда был категоричен):

— Надо сделать так!

— Как?

И, стряхивая на себя (и соседа) очередную порцию пепла, он быстро изобразил на клочке бумаги решение темы:

«Один тюремщик (другому):

— А где же арестованные?

— Мы их временно расстреляли!»

С профессиональной точки зрения это было сделано превосходно, но...

Все посмеялись, а Баженов вновь как ни в чем не бывало закурил и задремал.

Ю. Ганф

Сейчас «Крокодил» издается почти шестимиллионным тиражом. Успешно расходуется по всей стране и за рубежом.

Дважды в день почтальон приносит мешки с письмами читателей.

Теперь в «Крокодиле» солидный штат сотрудников, шесть отделов. Редакция располагает целым этажом в новом здании издательства «Правда» (и все равно тесновато!)

А когда-то...

И тут начинаются воспоминания...

— Когда я впервые пришел в редакцию, не было и половины нынешнего состава,— говорит один.

— А я помню один-два отдела — и все,— говорит другой.

— На моей памяти все, включая главного редактора, умещались в трех комнатухах,— говорит третий.

— Это что! — вспомнил Юлий Ганф.— Когда я впервые принес свой рисунок в «Крокодил», тут было всего десять человек вместе... с читателями.

О МОДЕ

В большом зале, что размещался на пятом этаже издательства «Правда», где раньше была редакция журнала «Крокодил», всегда былолюдно и весело. Тут можно было увидеть М. М. Зощенко, только что приехавшего из Ленинграда и рассказывающего В. Ардову что-то интересное (неинтересного от него, наверное, никто не слышал) или Степана Олейника из Киева среди поэтов-москвичей.

Когда в редакцию приходил Ю. Ганф, его сразу окружало несколько человек. Дело в том, что Ганф был блестящий рассказчик. Десятки всевозможных историй о себе, о друзьях-сатириках, и все с юмором, с мягким, добрым ганфовским юмором. А его шуткам завидовали даже фельетонисты.

Вот зашел разговор о модах: о джинсах, женских брюках, бородах, бакенбардах, «рубашках-газетах».

— А вы знаете,— улыбнулся Ю. Ганф,— я ведь тоже в молодости был модником. И еще каким! Ведь это я впервые в Москве (а было это еще в 1927 году) начал носить радикулит!

СИЛЬНЫЕ ДУЭТ

«Пир остроумия!» — так назвал темные совещания известный поэт Василий Лебедев-Кумач, в прошлом ответственный секретарь «Крокодила» и сам блестящий темист.

Темы делались и в одиночку и коллективно. Часто присутствовали на этих совещаниях как люди, связанные с журналом по работе (Ю. Ганф, Б. Пророков, К. Елисеев, И. Семенов, Л. Ленч, В. Карбовская, М. Пустынин, Э. Кроткий), так и дружившие с редакцией конферансье Мих. Гаркави, артистка Рина Зеленая, композитор Н. Богословский.

Если теперь все темы для рисунков зачитывает художественный редактор, то раньше это делали их авторы.

У одних получалось четко и вразумительно, другие, стесняясь, мямлили.

И эффект, конечно, был разный: другой раз слабая, но хорошо поданная тема проходила чуть не на ура, а бывало, хорошая, остроумная тема проваливалась из-за плохого ее прочтения.

— Как было бы хорошо,— сказал как-то Борис Иванович Пророков,— если бы темы зачитывал Хенкин!¹

— Да,— тут же подхватил Ю. Ганф,— и защищал их Брауде!²

---

¹ В. Я. Хенкин — популярный комический актер.

² И. Д. Брауде — известный адвокат.

Э. Кроткий

Неповторимым и удивительным мастером экспромта был Эмиль Яковлевич Кроткий.

Он что называется на ходу мог сочинить стихотворную подпись к плакату Кукрыниксов («Иностранцы? Иностранки? Нет, от пяток до бровей это местные поганки, доморощенный «бродвей»), написать эпиграмму о роли сатиры («Бойтесь кричащих: «Сатиру долой!» — мусор всегда недоволен метлой») или прямо на темном совещании придумать тему («Вы думаете, что вы сами думаете, а я знаю, кто за вас думает»).

Беспокойно ерзая на стуле и аычерчивая каких-то только ему одному ведомых то ли зверей, то ли птиц (и всегда одних и тех же!), непрерывно обращая то к соседу слева, то справа, он все время высыпал только что пришедшие в голову каламбуры или реплики по ходу совещания.

На обсуждении очередных номеров «Крокодила» разговор зашел о фельетонах Михаила Львовича Штих (Мих. Львов), много писавшего в то время и в «Правде» и в «Крокодиле».

Суждения были различные.

А Эмиль Яковлевич, в очередной раз нагнувшись к соседу, полушепотом, но так, чтобы его услышали все, сказал:

— Это не фельетоны! Это стихотворения в прозе!

— Вот так-то! — заметил М. Штих своему критику и шуточно приосанился.

ЖДИ МЕНЯ...

Б. Ефимов

Обычно за две-три минуты до начала какого-либо совещания в «Крокодиле» за столом появлялся старейшина советских карикатуристов, аккуратный, подтянутый, всегда доброжелательный Михаил Михайлович Черемных. Это служило как бы сигналом: пора начинать! К столу подсаживались Юлий Ганф, Иван Семенов, Генрих Вальк, Мих. Пустынин, Леонид Ленч и др. Но, разумеется, не все были такие точные. Опаздывали обычно молодые (а куда им спешить?) и, конечно, Лев Бродаты, который мог прийти и на следующий день...

К этому привыкли и начинали без них. На этот раз открытие задерживалось. Как выяснилось, позвонил Борис Ефимович Ефимов, человек обязательный и точный (основой докладчик на совещании) и попросил его извинить: он задерживается у врача и вот-вот придет, так как стоит в очереди на прием вторым.

Ефимов не приходил... время шло.

Были решены второстепенные вопросы. Желающих выступить становилось меньше.

Ефимов не приходил...

Пошли в ход шутки, реплики, розыгрыши, обычные для таких собраний.

Ефимов не... и тут дверь распахнулась.

На пороге стоял Ефимов, явно огорченный случившимся.

— Борис Ефимович, как же так получилось? Ведь вы сообщили, что стоите в очереди вторым.

— Действительно, я был вторым, но передо мной стояли Курьииксы...

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

М. Пустынин

Михаил Пустынин был фигурой колоритной и в прямом смысле и в переиосном. Во-первых, крокодильские художники зачастую использовали его как типаж в своих рисунках (особенно часто его рисовал К. Ротов в своих массовых сценах).

Во-вторых, он был ветераном не только «Крокодила», но и дореволюционного «Сатирикона». Именно в «Сатириконе», который редактировал знаменитый Аркадий Аверченко, вступил на сатирическую стезю Михаил Пустынин. За многие десятилетия он написал огромное количество фельетонов, юморесок, эстрадно-цирковых текстов. Собранные вместе, они составили бы не один толстый том. Вообще у сатириков более или менее регулярно выходят сборники их лучших произведений. Но уже где-то на пороге восьмидесятилетия Михаила Пустынина вдруг выяснилось, что у него почти ничего не издавалось отдельными книгами.

— Как же это получилось? — спросили у Михаила Яковлевича.

— А так, — ответил старейшина сатирического цеха и добавил, перефразируя известное изречение: — Старая гвардия умирает, но не издается!

Д. Беляев

Стиляги... Слово, которое теперь стало нарицательным, вошло в обиход в конце сороковых годов и впервые появилось на страницах «Крокодила» как заголовок фельетона Д. Беляева, фельетониста, только что ставшего главным редактором «Крокодила».

Дмитрий Герасимович Беляев, небольшого роста, худощавый, с маленькими колючими глазками на узком лице, всегда с огромной палкой в руках, вошел в коллектив как-то незаметно, но быстро освоился со своими нелегкими редакторскими обязанностями.

В те времена все совещания в журнале (будь то редколлегия, темное, летучка и т. п.) проходили в кабинете главного редактора. Дмитрий Герасимович обычно восседал на своем (не за своим, а на своем!) огромном столе, который еще больше подчеркивал его небольшой рост.

Но ему это, очевидно, нравилось, и, облюбовав однажды это место, ему уже не изменял. Остальные рассаживались за еще большим круглым столом, и начиналось... Кипели споры, накалялись страсти, сшибались мнения, взлетали колкости, остроты.

Кто-то даже назвал этот круглый стол столом с острыми углами, на что Беляев со своего насиженного места заметил:

— С остроумными!

В. Васильев

Война разбросала крокодильцев по разным фронтам Отечественной войны, и, надо сказать, это испытание они выдержали с честью.

С Виктором Георгиевичем Васильевым я познакомился на Северо-Западном фронте, в поезде редакции фронтовой газеты, где он был художником.

Это был второй крокодилец, которого я увидал вочию (первым мне повстречался на Сталинградском фронте Н. Лисогорский). Следующая встреча с Виктором Васильевым произошла уже после войны, в редакции «Крокодила», где он, уже признанный мастер, встретил меня так же радушно, как и на Валдае.

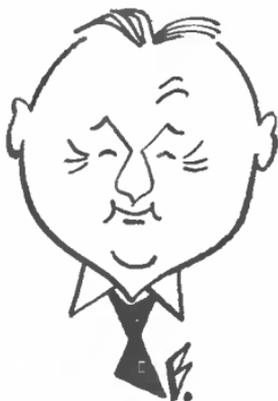
Доброжелательный, но не добренький, принципиальный, требовательный (и прежде всего к себе). Один из немногих художников, кто рисовал по своим темам и давал темы другим.

Война подорвала и без того не богатырское здоровье Виктора Георгиевича. Последнее время (а было это в начале пятидесятых годов) он часто болел, жаловался на сердце (а оно, видимо, было недовольно им). Работать не бросал, но в редакции появлялся реже.

— Как дела? Как сердечко? — спросил я его однажды.

— Как часы! — и, отдышавшись, добавил; — ...которые надо заводить каждые полчаса...

Крокодилец остался крокодилцем!

А. Васильев

Был период, когда в «Крокодиле» одновременно работали несколько пар поэтов-сатириков. Это были маленькие творческие коллективы, верой и правдой служившие сатире и юмору. Каждая пара писала стихотворные фельетоны, эстрадные скетчи, репризы и даже комедии, либретто оперетт, тексты песен.

Было ли парное соавторство данью моде? Да нет, пожалуй. Так уж распорядилась муза, воля которой порой бывает неисповедима. Представители старшего поколения Вл. Масс и Мих. Червинский, среднего — Вл. Дыховичный и М. Слободской и совсем еще молодые Вл. Баханов и Я. Костюковский так парами, словно привязанные друг к другу невидимой ниточкой, и появлялись в редакции. Забавно, но даже гриппом соавторы заболели одновременно, что, впрочем, неудивительно, поскольку, как утверждают некоторые санитарные бюллетени, присылаемые для раздела «Нарочно не придумаешь», «грипп — болезнь заразительная». Но случилось по какой-нибудь сугубо бытовой причине (например, ожидание дома слесаря-сантехника), приходил только один из соавторов.

Это и послужило поводом ведущему собранию писателю Аркадию Николаевичу Васильеву объявить:

— Слово от имени Массы имеет Червинский!

Ю. Федоров

Я знал несколько человек, которые как бы специально родились для «Крокодила». В другом качестве их и представить было трудно.

Одним из них был мой большой друг, рано ушедший из жизни, Юрий Николаевич Федоров, или просто Юра, как его все звали до последних дней.

Весельчак, выдумщик, мастер на все руки и, конечно, остро слов. Скромный по натуре человек, он всегда держался в тени, не лез в передовые, хотя имел на это неоспоримое право, и не любил, когда это делали другие.

Художник-юморист он был первоклассный и, что самое главное, не жил чужим умом (то есть чужими темами для рисунков), а был сам веселый придумщик. Но, к сожалению, кроме «Крокодила» и «Веселых картинок», редко где печатался в последнее время, хотя где только не предлагали ему сотрудничать.

Но как-то он сделал несколько веселых рисунков для одной центральной газеты. Публикация задерживалась. Другая газета попросила передать рисунки ей.

Юра ответил:

— Знаете, я не хочу обидеть вашу газету, но гораздо почетнее быть ненапечатанным у них, чем у вас.

В этой газете рисунки тоже залеживались.

БЕЗ ИЛЛЮЗИИ

Однажды в ЦДРИ была встреча крокодилцев с работниками искусств, в которой участвовал знаменитый иллюзионист Эмиль Теодорович Кио.

Когда расходились, увидели, что Кио звонит по телефону-автомату. Несколько раз он набирал номер и вешал трубку. Затем, обращаясь к небольшой очереди, собравшейся у автомата, он предложил:

— Пока у меня занято, позвоните кто-нибудь!

— Ну, уж если великий иллюзионист не получил ответа, — сказал художник Юрий Федоров, — то кто же ответит нам?

АРТИСТ-ХУДОЖНИК

Кафе «Националь» часто посещали мастера искусств, литераторы, спортсмены. Бывали там и крокодилы.

Впервые в это кафе меня привел художник Иосиф Игин.

Мы попали за «столик Олеши». Это был центр всех собиравшихся в то время.

Но сейчас о другом.

За соседним столиком сидел Борис Николаевич Ливанов, известный актер МХАТа и талантливый шаржист: несколько его рисунков было напечатано в «Крокодиле», вышли они и отдельным изданием (но это уже позже). Борис Николаевич был один, к нему и направился Иосиф Игин, который был тут, как у себя дома (правда, «дома» у него тогда еще не было). Чуть позже к ним переселился и художник Юрий Федоров. Скромный и стеснительный, он долго молчал, попивая кофе, вставляя изредка какие-то слова, фразы. О чем там был разговор, неизвестно, но только через некоторое время раздался громоподобный бас Ливанова:

— Юра, да вы артист! Не знаю, какой вы там художник, но вы артист!

— Что вы, — вставлял застенчивый Федоров, — вот вы художник!

— Юра, не скромничайте, вы артист!

— Борис Николаевич, вы большой художник!

...В кафе уже гасли огни, мы были уже на улице, а из «Националя» все доносилось:

— Да вы артист!

— Да вы художник!

— Вы артист!

— Вы художник!

— Артист...

— Художник...

И ВОТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Е. Весенин

Журналисты — народ глазастый. Тем более сатирики. Любая, казалось бы, мелочь берется на заметку, обыгрывается, порой для журнала, а часто просто в разговоре.

...Долгое время успешно работал в «Крокодиле» известный поэт-сатирик Сергей Александрович Васильев.

Его эпиграммы и пародии пользовались особым успехом у читателей журнала.

Но в писательской практике бывает всякое. Успех — успехом, а в номер нередко идет не все написанное. Бывает, что часть рукописи, а то и вся целиком возвращается. Неприятно, но к этому привыкают, такова планида любого автора.

Однажды Сергей Александрович появился в редакции с перевязанным пальцем.

Это не прошло незамеченным.

— Сережа, что у вас с пальцем?

— Это он попал пальцем в небо! — объяснил Ефим Весенин, ответственный секретарь редакции. — И вот доказательство, — добавил он, — возвращая Васильеву рукопись.

И. Семенов

Почему-то принято считать, что в футболе и карикатуре разбираются все.

Но не всегда это приносит пользу делу, а порой выглядит и просто смешным.

Около тридцати лет назад пробовал сотрудничать в журнале один «юморист», который не столько писал, сколько рассуждал с апломбом знатока.

Он любил выступать на всех совещаниях, о чем бы ни шла речь. Особенно был неравнодушен к художникам, обвиняя их во всех смертных грехах, в профессиональной некомпетентности.

— Почему это Борис Ефимов рисует капиталистов, министров и всяких там зарубежных деятелей во фраках, при галстукке или бантике, а своих соотечественников — в пиджачках?

Или:

— У Каневского все звери похожи на людей, они у него даже одеты. Что это значит?

Или:

— Вот рисунки Ганфа. Ничего рисунки. Даже хорошие. Но посмотрите, сколько там штрихов! Зачем столько?

И тут вступил художник Иван Максимович Семенов:

— А скажите, сколько их должно быть?

Л. Утесов

Страна готовилась отметить столетие со дня смерти Н. В. Гоголя. Крокодильцы, естественно, не могли стоять в стороне от этого события. Готовился специальный номер журнала, посвященный этой дате. Планировался рассказ, чей бы, вы думали? Л. О. Утесова!

Когда Леонид Осипович узнал, что его рассказ («Письмо Гоголю») сдан в набор и будет напечатан, он сказал:

— Сколько мне это будет стоить?

— Что вы, Леонид Осипович, вы еще получите за рассказ гонорар.

— Неужели? А я сказал жене, что мне эта затея влетит в копеечку! Значит, можно будет «зажать»!

Рассказ будут иллюстрировать Юрий Федоров и Евгений Щеглов, сообщили ему.

— Иллюстрировать? Тогда я скажу жене, что мне вдобавок пришлось уплатить еще и художникам! — со смехом сказал Леонид Осипович, а потом посерьезнел.

— Я пошутил! Дело ведь не в гонораре, я просто очень люблю Гоголя и рад внести хоть крохотный вклад в его юбилей.

Все это давно поняли и подыгрывали актеру в его розыгрыше. в маленькой интермедии.

ВЗИРАЯ НА ЛИЦА

А. Безыменский

Организатором и постоянным редактором спецгазеты «Взирая на лица», которая выходила на пленумах и съездах писателей в послевоенное время, был неутомимый Александр Ильич Безыменский.

А неперенными ее авторами — крокодилы: писатели и художники.

Обычно за несколько дней до открытия заседаний Александр Ильич появлялся в редакции «Крокодила» с неизменной фразой:

— Ну, что, мальчики, за дело! Пришло наше время!

И «мальчики» (в возрасте от 20 до 60 лет) принимались за дело.

«Газета пользовалась большой популярностью и, несомненно, способствовала развешиванию критики и самокритики в писательской среде», — так писалось в предисловии к книжке «Библиотеки Крокодила» (1950 год), где были собраны лучшие материалы газеты.

А. Сурков, Л. Кассиль, Л. Ошанин, Э. Кроткий, А. Безыменский, А. Раскин, С. Швецов для нее писали.

Бор. Ефимов, И. Семенов, Е. Щеглов, Ю. Федоров, И. Игин — рисовали.

Работали не щадя себя и тем более «кленентов».

«Снова замерло все до рассвета

В ожидании песен поэта...»

(Это М. Исаковскому).

«Я строго критикую САМ,
Но признаю 'ТВОИ' ошибки».

(Критику В. Ермилову).

«Покой цена,
Покой любя,
Ни ты меня,
Ни я тебя...»

— писал А. Безыменский, намекая на отсутствие принципиальности у отдельных литераторов.

Но тут же досталось и самому Александру Ильичу, автору в свое время знаменитой «Трагедийной ночи», которую я, помнится, проходил еще в школе:

«Ночь продолжается пятнадцать лет!

Когда ж наступит наконец рассвет?!»

Так сказать, не взирая на лицо...

С. Комиссаренко

Очередной конкурсе на лучший юмористический и сатирический рассказ собрал много авторов, как профессионалов, так и (что отрадно) любителей.

Конкурс проходил «под девизом», то есть до объявления результатов фамилии авторов оставались тайной даже для жюри.

Конкурс длился довольно долго, но всему приходит конец. Пришла пора подводить итоги.

Компетентное жюри заседало без перерыва на обед, спорили, даже ссорились, но все-таки премии распределили единодушно. Осталось вскрыть приложенные к рассказам в запечатанных конвертах с фамилиями авторов, чтобы узнать, кого опубликовали, словом, кто есть кто.

О том, что было потом, уже несколько лет вспоминают.

Вскрывают первый конверт. Девиз такой-то... Автор — инженер-конструктор С. А. Комиссаренко.

Далее. Девиз такой-то... Автор — инженер-конструктор С. А. Комиссаренко.

Небольшое замешательство. И снова щелкают ножницы.

Девиз такой-то... Автор инженер-конструктор С. А. Комиссаренко.

Началось что-то похожее на панику. А что, если все напечатанные рассказы принадлежат одному автору?

Новый конверт. Вздых облегчения!

Автор другой!

— Ну что ж, — бодро воскликнул председатель жюри. — Есть и у других авторов порох в пороховницах. Поехали дальше.

Вскрывают конверт. Девиз такой-то... Автор — инженер-конструктор С. А. Комиссаренко!

Удивительная плодовитость! Впрочем, чему удивляться: раскройте «Крокодил», «Неделю», «Литературную газету», где-нибудь, а то и одновременно везде вас встретит старый добрый знакомый — Семен Анатольевич Комиссаренко, инженер-конструктор.

Как видите, не только физики шутят...

ОХ, УЖ ЭТИ ЖЕНЫ!

Первая книжка в «Библиотеке Крокодила» для сатирика всегда праздник! Да еще если автор в годах.

Поначалу все было хорошо: набор, гранки, макет, верстка, читка.

На лице писателя К. сияла улыбка.

Но вот дело дошло до шаржа, и улыбка исчезла.

Первая попытка не увенчалась успехом. По словам автора, художник «что-то не уловил».

Вторая попытка тоже не улучшила настроение автора. Начались волнения. Сроки поджимали. Художник нервничал, а автор отклонял вариант за вариантом.

— В чем дело? Чем вы недовольны? Отличный шарж: и сходство ухвачено и где-то вы даже красивый!

— За такой шарж меня жена выгонит из дому или, что еще хуже, уйдет сама...

Так продолжалось довольно долго, но все же на каком-то этапе автора удалось уговорить. Шарж заслали в производство. Книжка благополучно увидела свет.

— Ну, как жена?

— Сказала, еще один такой шарж — и будем разминывать жилплощадь. Я готовлю новую книжку, нельзя ли без шаржа?

А. Чикарьков

Более сорока лет делал темы для рисунков Александр Васильевич Чикарьков. Не было, пожалуй, ни одного художника, который бы не рисовал по его задумкам.

Удивительный труженик, мягкий и застенчивый, душевный и обязательный, Александр Васильевич прошел войну боевым командиром. И никто, даже из хорошо знавших его, не мог этому поверить, не мог представить его в гуще огня.

О войне он не говорил или отшучивался, но, как известно, в каждой шутке есть доля правды.

— Как же вы поднимали солдат в атаку? С вашим-то характером? — спрашивали у него.

— А очень просто. Я говорил: очень прошу вас, извините, конечно, но нужно сходить в атаку, во-о-он на ту высотку. И взять ее. Пожалуйста!

С войны он вернулся увешанный боевыми орденами и медалями. Тяжелая же контузия наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь, с ней он мучился до последних своих дней.

Этот бесстрашный воин на темном совещании дрожал, как первоклассник, когда читали его темы. И очень смущался, когда что-то принимали или, не дай бог, хвалили.

Работе в журнале он отдавался целиком и полностью. Выполнял любое задание: надо, значит, надо! Это о нем как-то сказал один из долгожителей «Крокодила» Вилли (да, именно Вилли, так его звали и в семидесятилетнем возрасте!) Гранов:

— Сидит орел, на тему набрел, а над ним ореол!

Он заслуживал ореола...

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

С. Нариньяни

Крокодильцы всегда и везде были желанными гостями и гостеприимными хозяевами.

И если теперь при журнале существует «клуб ча-ча» (чашка чая), который устраивает вечера — встречи с мастерами сатирического цеха, с коллегами-журналистами и др., то раньше такие встречи бывали от случая к случаю, как бы стихийно.

Но всегда крокодильцы общались с друзьями-сатириками из смежных областей искусств. Такие встречи проводились в конференц-зале «Правды», в «Комсомолке», в Доме литераторов и ЦДРИ, Доме кино и журналистов.

На одной из таких встреч свое искусство демонстрировали мастера московской эстрады.

Было показано много интересных номеров, которые тут же обсуждались и комментировались.

После выступления одной молодой, интересной, но излишне полной актрисы руководитель эстрадной группы обратился к сидящему рядом Семену Нариньяни:

— Талантливая комедийная актриса, а ее все тянет на серьезные роли. В драму, в трагедию. Ну, разве из нее получится Дездемона?

— Даже две! — заметил известный фельетонист.

ИСТОРИЯ С БОРОДОЙ

А. Елисеев

В Угловом переулке, что на Бутырском валу, построили жилкооператив журналистов.

Разобщенные ранее художники-журналисты (в том числе и многие художники «Крокодила») стали как-то ближе друг к другу.

Долго не было видно художника В., а он в последнее время болел, и все беспокоились о его состоянии: как он?

Общительный и дружелюбный, один из среднего поколения художников «Крокодила», он как-то незаметно отошел от журнала, редко встречался в компаниях, увлекся книжной иллюстрацией, стал домоседом.

Поинтересовались у соседа по дому Анатолия Елисеева: не встречал ли он В.? Все ли у него в порядке?

— Да что вы! Все в полном порядке! Жив-здоров! А если желаете его повидать, то пожалуйста! Ранним утром он у дома прогуливает свою бороду!..

ДВОЙНИК

И. Игин

В последние годы жизни художник Иосиф Ильич Игин писал воспоминания. На своем веку он повидал и порисовал многих интересных людей из мира искусств. Настала пора вспомнить и о нем. Всего один эпизод...

Игину поручили сделать шаржи на сатириков и юмористов для крокодильского альбома (альбом вышел в издательстве «Правда» в 1970 году). В числе шаржируемых были и мы с Ю. Федоровым.

Пригласил он нас к себе в Переделкино, где в то время проживал. Работа в этот день у него не спорилась: нарисовав после длительных оттяжек Юрия Николаевича Федорова, он принялся за меня. И так вертел и эдак.

Вставал, уходил, приходил. Не получалось.

И тут его вдруг осенило. Он хлопнул себя по лбу и начал что-то искать в папках, блокнотах, альбомах.

— Старикашка! — радостно смеялся он. — Ну что я с тобой зря мучаюсь! Ведь ты у меня давно нарисован! Вот! А я, дуралей, переживаю...

И вытащил из какой-то старой папки шарж на... Якова Дымского, моего давнего друга, фельетониста, может быть, и похожего на меня, но я в этом до сих пор не уверен.

После довольно продолжительной перепалки: «Это Дымской!» «Нет, ты!» «Нет, Дымской!» «Нет, ты!» — Игин сдался и скрепя сердце сел рисовать меня.

Отличный получился шарж. Но последнее слово все же осталось за Игиным. Показывая мне шарж, он сказал:

— Ну, чем не Дымской!!

ЭКСПРОМТ

Л. Ленч

На темных собраниях в «Крокодиле» всегда было много народа — и тех, кто принимал непосредственное участие в работе, и болельщиков, бурно реагировавших на удачную шутку, каламбур, подначку.

Но не будет преувеличением сказать, что самым желанным был всегда Леонид Ленч (который выступал не только как «болельщик»).

Дело в том, что Леонид Сергеевич очень тонко чувствует смешное.

Каждую тему воспринимает так, как и должно ее воспринимать, — весело, озорно, эмоционально.

У него с лица не сходила добрая улыбка, он все время ждал: чем еще удивят, что еще придумают эти придумщики.

Многие, принимая тему, обычно говорят с постным лицом: «Это очень смешно!» — а он не говорил, он просто очень смеялся. Смеялся заразительно, вызывая ответную реакцию у присутствующих. Мастер юмористического рассказа, Леонид Сергеевич и сам делал темы, многие из которых увидели свет на страницах журнала (я сам рисовал по его теме!).

Рассматривали рисунок Кукрыниксов на злободневную международную тему (там были изображены какие-то овцы в смокингах), но хороший рисунок не был подкреплён подписью. Начали ломать головы...

Вошедший Л. Ленч посмотрел на изображение и с ходу продекламировал:

**«Очень долго
блея, блея,
Заседает ассамблея!»**

Так родилась подпись.

Леонид Сергеевич смеялся так, как будто бы не он ее только что придумал...

РЕПЛИКА АРДОВА

В. Ардов

Шло очередное заседание «клуба ча-ча» (чашка чая). Чествовали Ивана Максимовича Семенова, которому было присвоено звание народного художника СССР.

Выступавшие тепло приветствовали любимого художника и товарища, когда появился, как всегда в таких случаях, увешанный горячими бубликами (только что из пекарни!) Виктор Ефимович Ардов.

Зал насторожился. Ждали реплики Ардова. И он не подвел...

В это время слово получил писатель Н. Он произнес много добрых слов в адрес художника и, между прочим, вспомнил, что совсем недавно Семенов сделал шарж на него, очень удачный — сходство поразительное.

На что Виктор Ефимович Ардов сказал:

— Ничего удивительного! Ведь Иван Максимович давно известен как художник-анималист...

ЗА И ПРОТИВ

Н. Радлов

Лев Бродаты... Да, дорогой читатель, опять о нем. Но сначала о его коллеге Н. Э. Радлове.

Художник Николай Эрнестович Радлов — представитель так называемой ленинградской школы (А. Радаков, Б. Малаховский, Б. Антоновский и др.). Карикатурист, шаржист, иллюстратор, Николай Эрнестович начал печататься еще в дореволюционном «Новом Сатириконе».

После революции он стал одним из ведущих художников-графиков ленинградских изданий, как сатирических, так и многих других.

В двадцатые годы наиболее интересные его работы были отданы «Бегемоту» (был такой собрат «Крокодила»), где, кроме всего прочего, он вел вместе с М. М. Зощенко отдел изобретений (веселых, конечно), что привело к изданию отдельных книжек: «Веселые проекты» и «Счастливые идеи». Много и интересно работал Радлов в жанре шаржа.

Теперь вернемся к Льву Бродаты. Этот прекрасный художник любил выступать с речами, причем самый простой вопрос он умудрялся так усложнить и запутать, что одна часть слушателей считала, что он говорил за здравие, другая — за упокой. Лучшим истолкователем речей Бродаты оказался Радлов.

Остроумный по натуре человек, это он на одном из совещаний произнес фразу, ставшую впоследствии крылатой:

— Слово «за» и «против» имеет Бродаты!

ТЕМИСТ

В. Кулагин

Антон Павлович Чехов делал темы для рисунков...

Владимир Владимирович Маяковский тоже проявил себя на этом поприще...

Об этом всегда вспоминают, когда хотят подчеркнуть важность и нелегкость этой работы.

Михаил Глушков, темист № 1 двадцатых—тридцатых годов, делал темы, бегая по коридорам и кабинетам редакции с клочком бумаги и карандашом в руках.

Эмиль Кроткий с блеском делал эту работу экспромтом, прямо на темном совещании.

Александр Чикарьков любил делать темы, сидя в библиотеке, обложившись книгами, журналами, свежими газетами.

Игорь Сычев — уединившись у себя дома; так же работают Михаил Битный, Владимир Жаринов, Сергей Кузьмин и многие другие ныне здравствующие темисты-художники. В начале тридцатых годов на страницах «Крокодила» начала часто появляться фамилия Кулагина (в то время рядом с фамилией художника — автора рисунка ставили фамилию автора темы).

С тех пор на протяжении многих лет Василий Савельевич Кулагин был причастен к многим рисункам журнала.

Небольшого роста, худощавый, с хитрым прищуром маленьких глаз, он ходил по аллеям стадиона «Динамо» (благо жил недалеко) и, бормоча что-то непонятное себе под нос, решал темные задачи.

В отличие от многих других Василий Савельевич был чистый темист — он не писал, не рисовал, не сочинял стихи, он делал темы.

Рабочий, он пришел в редакцию как рабкор, а затем сделался профессиональным темистом. И не случайно, когда однажды его встретил Михаил Яковлевич Пустынин с возгласом: «Приветствую тебя, раб божий Василий!» — Кулагин парировал: «Не раб божий, а рабкор!»

Сработала интуиция темиста..

Л. Митницкий

Долгое время афоризмы в «Крокодиле» были монополией Эмиля Кроткого, автора превосходных «Отрывков из ненаписанного». Делал это Эмиль Яковлевич на высочайшем уровне, оставаясь и до сих пор примером для всех, кто работает в этом жанре. Редко появлялись иные авторы, пока во весь голос не заговорил Л. Митницкий. Автор многостраничных фельетонов, очерков, рассказов в один прекрасный день принес всего одну страничку, в которой был десяток строк — афоризмы. Страничка называлась «Мимоходом». Первый взнос маститого сатирика в афористику оказался удачным. Потом последовали новые.

Впоследствии рубрику «Мимоходом» позаимствовали многие журналы и газеты. Как и Эмиль Кроткий, не терпевший, говоря его словами, мастеров «неглубокого каламбуриения», Л. Митницкий оберегал этот раздел от пошлости, безвкусицы и других проявлений неуважительного отношения к жанру. И когда у него как-то спросили, не будет ли он возражать, если под этой рубрикой будут печататься другие авторы-крокодилы, ответил:

— Пожалуйста! Только держать марку! Чтобы «Мимоходом» не превратили в мимохохм...

Под маской кролика скрывалась заячья душа.

Детективный роман «Код в сапогах».

Медовый месяц он всегда проводит в Сочи.

Природа просыпается без будильника.

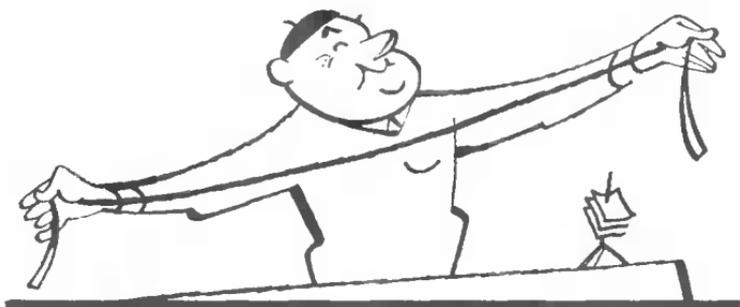
В кукольном театре судьба актера все время висит на ниточке.

В клубе было так холодно, что в докладе замерзла вся вода.

Двуличные все на одно лицо.

Писатель-натомник.

В зале наступила такая тишина, что было слышно, как поет певица.

Продавец мечтал о безразмерном метре.

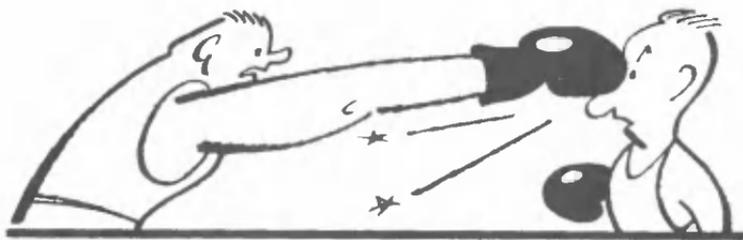
Для рыбы каждый червь — червь сомнения.

У гипнотизера была внушительная внешность.

Юбилей пришлось отложить: юбиляру не давали его лет.

Автоинспектор привык объясняться знаками.

Боксер-физиономист.

О чемпионке по гимнастике: на всех ты, душенька, снарядах хороша.

О лекторах-антирелигиозниках: им бы нимбы!

Часов заметно прибавилось, а времени все равно не хватает.

На бал-маскараде и гусь свинье товарищ.

Учителя приходят и уходят, а второгодники остаются.

Вывели новый сорт: яблоню раздора.

И воздушные замки умудряются строить с недоделками.

Книга будила много мыслей, но
разбудил все же будильник.

Берег себя: и фимиам курил с филь-
тром.

«Только осел мог прийти на маска-
рад в овечьей шкуре»,— подумал
волк.

Помни: и будущий год станет
прошлым.

Рецепт склочницы: «На одну бочку
меда берется ложка дегтя...»

Сороконожку не спрашивают, с ка-
кой ноги она сегодня встала.

— Эх, вашими бы устами да яд
пить!

Конокрады свой век отжили, настала пора иконокрадов.

Дни отрывного календаря были сочтены.

Философствовать в рабочее время положено только философам.

Его азбука: от «Я» до «Я».

Продавец с образованием: окончил школу злословия.

Весна была из молодых, да ранняя.

Охота на солнечных зайчиков никогда не запрещается.

Листопад напоминает сокращение штатов: весной все вновь расцветает.

Не расставался со спасательным кругом. Вдруг опять будет всемирный потоп?

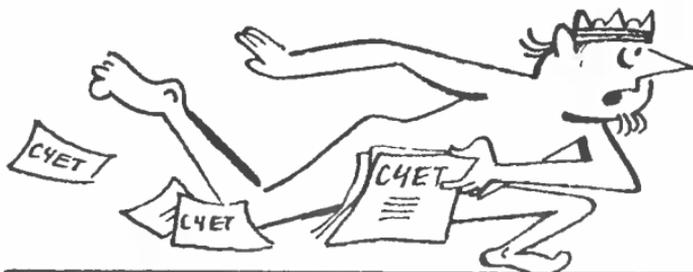
У робота на душе скребли заводные кошки.

Если в спектакле не видно мысли, бинокль не поможет.

— А тут мы проектируем памятник старины!

Почему-то все считают льва царем зверей, забывая, что есть еще львица.

Король гол? Понятно: все ушло на наряды королевы.

Тучка-клеветница: все время на кого-нибудь капает.

О том, что зря гнул спину, узнаешь только разогнувшись.

Попытка сжечь свою рукопись не увенчалась успехом: уж очень она была сырой.

Ансамбль подхалимов «Подпевалы».

Иллюзии, и те строил за государственный счет.

И женщины неопределенного возраста стареют.

На «бис» можно увидеть гол только по телевидению.

У них был один идеал... на троих.

Восьмого марта приносил жене розы, шипы остаалал на другие дни года.

Любимое блюдо: истина в вине.

Голубая мечта! Но что из нее сделали в химчистке!

Для того, чтобы убить час-другой, всегда находится время.

Не было ни гроша, да вдруг 6 из 49.

Молчание — золото. Но какой пробы?

Не плюй в потолок, не каждый потолок это выдержит.

Человек тоненького ума.

Рак краснеет раз в жизни.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ОСТРОСЛОВЫ	3
МИМОХОДОМ	41

В книжке использованы шаржи художников:

А. Баженова, Г. Валька, М. Вайсборда, К. Елисеева,
Бор. Ефимова, И. Игина, Кукрыниксов, А. Крылова,
Н. Лисогорского, Б. Малаховского, Б. Пророкова, Н. Рад-
лова, И. Семенова, Ю. Федорова, А. Цветкова.

МАРК ВАЙСБОРД (САМУИЛ МАРКОВИЧ ВАЙСБОРД)

ОСТРОСЛОВЫ

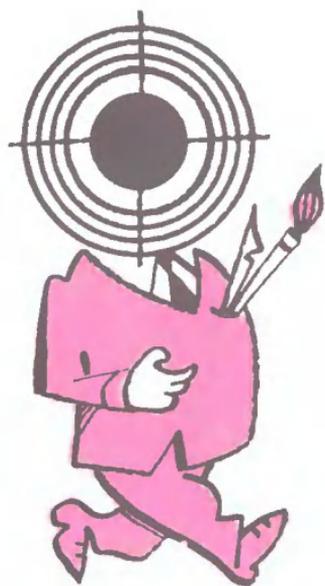
Редактор Н. И. Монахов.
Техн. редактор Г. И. Огородников.

Сдано в набор 22.02.82. Подписано к печати 14.04.82 г.
А 05073. Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,04. Тираж 75 000.
Изд. № 1049. Заказ № 2117. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

ИНДЕКС 72996

